
ПОЛИТИКА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА И ВЫЗОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОБЫТНОСТИ

О.Г. Алиева

Кафедра этики
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

В данной статье рассматриваются причины и последствия проводимой в Европе политики мультикультурализма. Анализируется понятие национальной самобытности в среде эмигрантов. В современном глобализирующемся мире политика мультикультурализма может порождать социальные конфликты, решить которые часто пытаются усилением этой политики, что в свою очередь усугубляет ситуацию и ведет к новым конфликтам.

Ключевые слова: мультикультурализм, национальная самобытность, глобализация, фрагментация идентичностей, толерантность.

Я не хочу жить в доме, обнесенном глухой стеной,
с забитыми окнами. Хочу, чтобы культуры всех
стран свободно веяли вокруг моего дома, как ветры.
Но я не желаю, чтобы какой-либо из них сбивал
меня с ног.

Махатма Ганди

В современном мире проблема мультикультурализма приобрела такую актуальность, что является одной из самых обсуждаемых тем, как в Европе, так и в России. На сегодняшний день в политическом дискурсе мало понятий, вызывающих столь полярные оценки, как мультикультурализм: от признания его оптимальной формой структурирования мультиэтнического общества до интерпретации мультикультурализма как основной причины нынешнего кризиса европейского социума [1]. Мировой процесс глобализации тесно связан с новой идеологией и политикой мультикультурализма, которая в связи с возрастающей мобильностью современного человека приобрела глобальный характер. Присутствие в социуме представителей разных народов, рас, культур, религий на сегодняшний день повсеместное явление.

Впервые закон о мультикультурализме был принят в 1971 г. в Канаде, затем в 1973 г. — в Австралии, а с начала 80-х гг. XX в. принципы мультикультурализма усваиваются большинством европейских стран. Из абстрактного концепта мультикультурализм превращается в востребованную модель организации, насыщенного миграционными потоками современного мира. Однако изначально в Канаде политика мультикультурализма была необходима для регулирования отношений между этнокультурными общинами, которые являлись автохтонным населением страны, тогда как в странах Европы мультикультурная политика была направлена на эффективное взаимодействие коренного населения с гражданами иностранного происхождения. Ее появление связывают с возникшей в европей-

ских странах необходимостью создания новой политики, которая учитывала бы интересы сформировавшихся этнонациональных и этнокультурных общин. В отличие от традиционной идеологии, ставившей в основание защиту прав граждан, идеология мультикультурализма делает основной акцент на защите представителей тех или иных культур, т.е. коллективных индивидов. Ее концепция рассматривается как необходимый инструмент адаптации к появившемуся культурному многообразию.

Политика мультикультурализма в первую очередь явилась ответной реакцией на грандиозные миграционные потоки по всему миру, насчитывающие свыше десяти миллионов человек. Важно заметить, что географическая мобильность на протяжении всей истории человечества была одним из факторов, наряду с войнами, эпидемиями приводивших к разрушению и возникновению цивилизаций. Например, большинство современных европейских государств возникло благодаря великому переселению народов в эпоху Средневековья. Однако в современном мире существует сильное отличие в том, что если раньше потоки миграции представляли собой покорение и захват новой территории, причем чаще всего малонаселенной, то сейчас, когда весь мир поделен между государствами, мигранты уже не завоевывают чужую территорию, а переезжают туда жить или работать. Так, после разрушения колониальной системы миграционный поток в двадцатом веке пошел в обратную сторону из стран бывших колоний в страны Европы [2].

Для европейских стран главным мотивом распространения политики мультикультурализма стал иммиграционный бум, начавшийся еще в послевоенные десятилетия. Быстрый экономический рост европейских стран после войны во многом является следствием труда выходцев иммигрантов из бывших колоний. Численность иммигрантов в странах Европы в последствие с каждым десятилетием росла в геометрической прогрессии, настолько быстро, что к началу XXI в. только официальные данные говорили о 55 млн человек. Подавляющим большинством являлись выходцы из стран третьего мира, для которых культурная интеграция в европейский социум протекала наиболее проблематично. Вследствие чего позиция экспертного сообщества все чаще стала выражать пессимистический настрой в отношении мультикультурной политики, и все большее число экспертов стало сомневаться относительно успешной социальной и культурной интеграции мигрантов, а также политики мультикультурализма и создании толерантного общества.

С. Хантингтон отмечает, что мультикультурализм не способствует интеграции меньшинств, поскольку легитимизирует возможность сохранения ими собственной социокультурной идентичности [3]. И тому подтверждением является вся парадоксальная реальность современной Европы, которая под лозунгами демократии, толерантности и политкорректности, во избежание упреков в дискриминации меньшинств вынуждена идти на этнизацию социальных взаимодействий.

Возможно, осознание того факта, что одним из главных факторов нынешнего экономического процветания Европы стал дешевый труд иммигрантов, позволило представителям этнических диаспор заявить о своих социальных и культурных амбициях, подчас радикально. Хотя скорее всего эмигранты первого поколения

еще боролись за экономическое выживание и помнили, в каких тяжелых экономических условиях приходится жить на покинутой родине и довольствовались малым. Последующие поколения уже привыкли к сытной пище и теплоте крову и стали предъявлять к местным властям совсем иные требования: социального признания, свободы демонстрировать свои религиозные взгляды и т.д. При этом молодое поколение часто нуждается в образце, моральном авторитете, ориентире. Ввиду зачастую неравного с европейским населением социального статуса, желанием компенсировать этот статус и неприятием к людям, подозрительно относящимся к эмигрантам (в восприятии молодого человека эта черта может экстраполироваться на всех европейцев) таким ориентиром порой становятся радикальные религиозные лидеры, активные борцы за свободу, чей облик, как правило, приукрашивается на расстоянии.

Кроме того, современный мир и рынок труда в особенности постоянно предъявляют человеку новые требования: овладение компьютерными технологиями и иностранными языками, формирование тела, соответствующего новейшим стандартам красоты (безупречная белизна зубов, стройное подтянутое тело) и т.д. Порой люди не выдерживают напряжения и бегут от новомодных тенденций в традиционализм, консерватизм, религиозный фундаментализм [4. С. 154—155].

В случае с национальными меньшинствами и эмигрантами направление подобного «бегства» очевидно, — они обращаются к своей национальной самобытности, к принятым на исторической родине религиям. Одним из примеров может служить спор о хиджабах, требование разрешить носить хиджабы в образовательных учреждениях и фотографироваться в них на документы. Уже не редко можно услышать призывы включить в систему образования национальную историю, изучение обычаев, создание отрядов исламской полиции в странах Европы для защиты мусульман от государственных правоохранительных органов. Таким образом, отныне не новые меньшинства должны адаптироваться к ценностному и институциональному наследию европейской цивилизации, а самой Европе необходимо адаптироваться к ее новым законным обитателям, в то время как не все европейцы желают это сделать. Ведь в перспективе при следовании намеченному ранее курсу на построение мультикультурного общества в европейских странах это будет означать «деевропеизацию Европы» [5].

Справедливо будет отметить, что влияние политики мультикультурализма на сферу национальной культуры, а именно национальной самобытности, рассматривается большинством ученых в негативном свете, поскольку большинство из них отмечают прямую взаимосвязь между идеями мультикультурализма и разрушением национальной самобытности. Само понятие «самобытный» в толковом словаре Владимира Даля означает «сущий сам собою», строго говоря, кем является только Бог. Говоря о национальной самобытности, подразумевается наличие уникальных специфических черт, культурных образований, накопленных каждой нацией веками и не подлежащих передаче или заимствованию.

Для каждой нации, для каждого народа национальная самобытность является фундаментом, культурной основой, некой призмой, сквозь которую индивид смот-

рит на окружающий мир, неким фильтром, через который он впитывает новые суждения и идеи. На протяжении всей истории человечества самоидентификация, самосознание личности исходило из национальной принадлежности индивида. Еще до эры глобализации в каждом государстве существовали прочные связи между культурным опытом и географическим месторасположением, которые и являлись «национальной самобытностью».

Проблема национальной самобытности восходит к Древней Греции, где уже были сформулированы культурные принципы самоидентификации, где эллином признавался тот, кто говорил по-гречески, а говорящий на другом языке нарекался варваром и не обладал всеми правами эллина.

Так, по мнению Хантингтона, «каждая нация должна уметь ответить на главный вопрос — кто мы?», осознав и определив таким образом свою национальную самобытность. Причем отвечать на этот вопрос необходимо постоянно, и это важно как для укоренившихся государств, так и для вновь возникающих.

Национальная самобытность может выражаться при помощи государственных праздников, национальных героев, государственного гимна, флага, установок памятников и т.д. В обществах с большим разнообразием этнических, лингвистических или религиозных групп процесс формирования национальной самобытности связан с большими сложностями и все более уступает место космолитическим ценностям. В таких странах базовыми формирующими принципами или государственной идеологией (как в случае с СССР) становятся отнюдь не национальная идея и культивирование национальной идентичности: построение коммунизма, идея толерантности, демократические ценности. Тем более болезненным может стать такая политика, политика мультикультурализма для людей, ищущих свои корни и пытающихся вернуться к истокам национальной культуры.

Как показывает история, возрождение национальной самобытности, повышение интереса к национальной культуре являлось одним из вестников национально-освободительных войн в странах третьего мира и Восточной Европе. Но мир сравнительно недавно столкнулся с проблемой такого возрождения в странах, весомую часть которых составляют эмигранты, а не в колониях, угнетаемых метрополиями.

С другой стороны, процесс глобализации явился угрозой потери для многих стран, народов национальной самобытности. Поскольку глобализация связана с культурным размыванием, стиранием особенностей, с унификацией, то для сохранения национальной самобытности, национального колорита потребуется немало сил. На место самобытности вместе с глобализацией приходит «идентичность» — то есть некий конструкт, свобода выбора, DIY (do it yourself). Индивид получает безграничную возможность идентифицировать себя бесконечное число раз с представителями любой культуры, любой религии. Все становятся космополитами, выходящая из своего лексикона такие понятия, как «патриотизм», «отчизна», «родина». Не удивительно, что «родиной» концепции «self made man» является США, страна эмигрантов, покинувших отчизну в поисках лучшей жизни [6. С. 121].

Следовательно, европейские страны, заменяя политику интеграции иммигрантов в свое культурное поле политикой мультикультурализма, теряют возможность

отстаивания своей национальной самобытности, сталкиваясь с проблемой поиска адекватной новой идентичности. И для представителей новых диаспор этот процесс носит сложный характер, поскольку и они, теряя свою национальную самобытность, оказываются расщепленными между старой и новой социокультурной общностями. Важно заметить, что, даже сформировав быстро и успешно политическую лояльность, новая общая для всех социокультурная идентичность формируется крайне долго и сложно, поскольку новые члены европейского общества старательно избегают выхода за рамки своей социокультурной традиционной модели, тем самым провоцируя межгрупповое отчуждение.

Таким образом, внутри одного государства начинают появляться диаспоры со своей «внедомной идентичностью», опираясь на традиции и устои тех стран, той культуры, которую они покинули, они приезжают в чуждую для себя страну, зачастую не имея желаний в ней культурно интегрироваться. Тем самым все это приводит к гибели проекта модерного национального государства, который предполагал социокультурную гомогенность, и в котором границы государства совпадали с границами культурного отчуждения, с границами «чужого». Мультикультурная политика в свою очередь создает подобные границы непринятия и отчуждения в пределах одной страны.

В Западной Европе подобное отчуждение уже нередко проявляется в конфликте между демократическими ценностями и исламским фундаментализмом. И подобный характер непростых взаимоотношений связан для народов Востока с периодом колониальной эпохи (XVII—XIX вв.), когда европейские колонизаторы ассоциировались с агрессией и эксплуатацией. Мусульмане, долго испытывая давление со стороны европейцев, взяли на себя функцию хранителей культурного наследия и защитников религиозной самобытности. Формальная независимость молодых суверенных государств Востока не привела к экономической самостоятельности, поскольку они продолжали занимать место «развивающейся» периферии. В таких условиях и сформировался исламский фундаментализм как попытка возврата к истокам раннего ислама.

Однако в ряде случаев фундаментализм порождает радикализм. По мнению Ю.М. Почты, исламский фундаментализм можно рассматривать как вариант ответа исламской цивилизации на вызов со стороны западной цивилизации, поскольку в процессе глобализации, в ситуации социокультурного кризиса это является попыткой сохранения исламской культурной идентичности [7].

В связи с этим даже сильно пропагандируемые, навязываемые всему миру идеи толерантности не обеспечивают устойчивой солидарности. Понятие «tolerants» с латинского языка переводится как «терпеливо переносящий», таким образом толерантность в широком смысле означает терпение. Следовательно, быть толерантным есть не что иное, как уметь мириться с чем-то, что доставляет страдание.

Однако в массовом сознании слово «толерантность» употребляется с такой смысловой нагрузкой, когда оно обозначает признание и уважение других взглядов, традиций и убеждений. По сути это совершенно другой, более «глубокий» уровень, уровень принятия ценности различия, нежели терпение. Но в проводи-

мой политике мультикультурализма толерантность не доходит до уровня принятия и уважения, оставаясь на поверхностном уровне терпения «другого», его традиций, религии и ценностей. Как пишет П.К. Гречко, «толерантность объявляется моральной ценностью, но при этом то, на что она направлена, добром не является» [8]. То есть это когда не одобряют, но не вмешиваются.

Тем самым, по мнению Т.И. Пороховской, толерантность вместо уважения, размышления о ценностях другой культуры консервирует отчуждение и равнодушие к «другому» [9]. Вместо того чтобы маркировать все социальные явления, оценивая их как достойные и недостойные, толерантность ориентирует на беспристрастность, на воздержание от любых оценок. Таким образом, статус нравственно ценного снижается, а нравственно неприемлемого нередко санкционируется, открывая путь к произволу и насилию, что в проводимой политике мультикультурализма проявляется порой в крайних формах радикализма.

Анализируя вероятные перспективы проводимой политики мультикультурализма, можно говорить о ее кризисном состоянии, если не о крахе. Следует признать срыв процесса социокультурной интеграции иммигрантов в принимающие страны. Во многом причиной является нежелание эмигрантов расставаться со своей национальной самобытностью, своими корнями. При этом самобытность эмигрантов уже, по сути, таковой не является и воссоздается вторым и третьим поколением в несколько искаженном виде, часто являясь базой для насаждения религиозной нетерпимости, фундаментализма. Можно сказать, что такие способы идентичности личности ловко скрываются за национальной самобытностью, черпая при этом из нее силы. Существование противоречивых ценностей (мультикультурное общество, толерантность и национальная самобытность, культурная и национальная идентичность) в современном глобализирующемся обществе могут порождать социальные конфликты, решить которые часто пытаются усилением политики мультикультурализма, что лишь усугубляет ситуацию и ведет к новым конфликтам.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Тэвдой-Бурмули А.И.* Мультикультурализм: между панацеей и проклятием // Актуальные проблемы Европы. ИНИОН РАН. 2011. № 4. С. 14—21.
- [2] *Хюбнер Курт.* Нация: от забвения к возрождению. М.: Канон, 2001. С. 400.
- [3] *Хантингтон С.* Кто мы? Вызов национальной идентичности. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 635.
- [4] *Кандель П.* Неопознанные вызовы европейской безопасности // Современная Европа. 2006. № 1. С. 98.
- [5] Исламский фундаментализм в условиях формирующейся постмодернистской социальности // Исламская цивилизация в глобализирующемся мире / По материалам конференции / Отв. ред. В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 153—162.
- [6] *Почта Ю.М.* Политический ислам в контексте глобализации и роста фундаменталистских движений религиозного и светского характера в начале XXI века // PAX ISLAMICA. 2009. № 2(3). С. 159—164.
- [7] *Саввина О.В., Кругликова Е.В.* Самоопределение женщины в профессии: современные противоречия // Вестник РУДН. Серия «Философия». 2014. № 2. С. 119—128.

- [8] *Гречко П.К.* О границах толерантности // *Свободная мысль*. М., 2005. № 10. С. 35.
[9] *Пороховская Т.И.* Толерантность как доктрина, принцип поведения и как моральная дилемма // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия»*. 2013. № 3. С. 85—95.

MULTICULTURALISM AND CHALLENGE TO NATIONAL IDENTITY

O.G. Alieva

Department of Ethics
Faculty of humanities and social science
People's Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article analyses reasons and consequences of the European politics of multiculturalism. The author considers the notion of national identity in the environment of migrants. The multicultural policy may generate social conflicts in the modern world. There are often attempts to solve these conflicts by intensifying of multicultural policies, that makes the situation more difficult and generates new conflicts.

Key words: multiculturalism, national identity, globalization, tolerance.

REFERENCES

- [1] *Tevdoi-Burmuli A.I.* Mul'tikul'turalizm: mezhdru panatseei i prokliatiem // *Aktual'nye problemy Evropy*. INION RAN. 2011. № 4. S. 14—21.
[2] *Khiubner Kurt.* Natsiia: ot zabveniiia k vozrozhdeniiiu. M.: Kanon, 2001. S. 400.
[3] *Khantington S.* Kto my? Vyzov natsional'noi identichnosti. M.: Progress-Traditsiia, 2004. S. 635.
[4] *Kandel' P.* Neopoznannye vyzovy evropeiskoi bezopasnosti // *Sovremennaia Evropa*. 2006. № 1. S. 98.
[5] *Islamskii fundamentalizm v usloviakh formiruiushcheisia postmodernistskoi sotsial'nosti // Islamskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsia mire /Po materialam konferentsii / Otv. red. V.G. Khoros.* M.: IMEMO RAN, 2011. S. 153—162.
[6] *Pochta Iu.M.* Politicheskii islam v kontekste globalizatsii i rosta fundamentalistskikh dvizhenii religioznogo i svetskogo kharaktera v nachale XXI veka // *PAX ISLAMICA*. 2009. № 2(3). S. 159—164.
[7] *Savvina O.V., Kruglikova E.V.* Samoopredelenie zhenshchiny v professii: sovremennye protivorechiia // *Vestnik RUDN, seriia "Filosofiia"*. 2014. № 2. S. 119—128.
[8] *Grechko P.K.* O granitsakh tolerantnosti // *Svobodnaia mysl'*. M., 2005. № 10. S. 35.
[9] *Porokhovskaia T.I.* Tolerantnost' kak doktrina, printsip povedeniia i kak moral'naia dilemma // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia "Filosofiia"*. 2013. № 3. S. 85—95.